

МИГРАЦИЯ

DOI: [10.14515/monitoring.2025.6.3058](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3058)

К. И. Казенин

МИГРАЦИЯ И УСЛОЖНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ МЕГАПОЛИСЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛМАТЫ)

Правильная ссылка на статью:

Казенин К. И. Миграция и усложнение социокультурного ландшафта в центральноазиатском мегаполисе (на примере Алматы) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 6. С. 221—245. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3058>.

For citation:

Kazenin K.I. (2025) Migration and Complication of the Socio-Cultural Landscape in a City of Central Asia: The Case of Almaty. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 221–245. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2025.6.3058>. (In Russ.)

Получено: 04.07.2025. Принято к публикации: 07.10.2025.

МИГРАЦИЯ И УСЛОЖНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ МЕГАПОЛИСЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛМАТЫ)

КАЗЕНИН Константин Игоревич — научный сотрудник, Университет Нархоз, Алматы, Казахстан

E-MAIL: konstantinkazenin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

Аннотация. Статья посвящена миграции в города как фактору, меняющему ценностные ориентиры индивидов и потенциально увеличивающему их разнообразие. На постсоветском пространстве этот эффект миграции в города в настоящее время наиболее ожидаем в странах Центральной Азии и Закавказья и в ряде регионов Юга России, где значительную часть переселенцев в города составляют жители территорий с достаточно традиционным, патриархальным социальным укладом. В статье сопоставляются взгляды на социальные роли женщин и мужчин у трех групп населения: индивидов, выросших в одном из крупнейших центральноазиатских мегаполисов — Алматы; индивидов, переехавших в этот город во взрослом возрасте; тех, кто проживает в других частях Казахстана. В качестве источника данных используются результаты опроса «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey), проведенного в Казахстане в 2018 г. Ответы респондентов на вопросы данной тематики анализируются с помощью мультиноминальных логистических регрессий, позволяющих сопоставить ценностные ориентиры трех исследуемых групп респондентов. Анализ показал, что в целом для респондентов, выросших в Алматы, более характерны эгалитаристские взгляды на социальные роли мужчин и женщин по сравнению с респондентами, переехавшими в данный мегаполис во взрослом возрасте. При этом среди респондентов му-

Migration and complication of the socio-cultural landscape in a city of Central Asia: the case of Almaty

Konstantin I. KAZENIN¹ — Researcher
E-MAIL: konstantinkazenin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

¹ Narxoz University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The paper considers the impact of migration to cities upon the cultural diversity of urban societies and its contribution to cultural conflicts. In post-Soviet states, these consequences of migration to cities are most expected in countries of Central Asia and the South Caucasus, as well as in cities in the southern regions of Russia, because a large proportion of migrants to those cities arrive from areas with high traditionalism, or “patriarchy”, in social settings. The study compares views on social roles of women and men among three population groups: those who have grown up in one of the biggest cities of Central Asia, Almaty (Kazakhstan), which has been attracting intensive immigration flows in recent decades; those who migrated to that city as adults; and those who reside in other parts of the country. The Generations and Gender Survey conducted in Kazakhstan in 2018 is the source. Multinomial logistic models are estimated for relevant survey answers, which allow for the comparison of views of the three groups of respondents on the social roles of women and men. The analysis has shown that respondents who have grown up in the city generally tend to have more gender-egalitarian views on this issue. Furthermore, these contrasts are stronger among Muslims than among respondents of other religious affiliations, which does not agree with general expectations about inter-confessional differences in the impact of urbanization on social values.

сульманского вероисповедания эти контрасты выражены ярче, чем среди респондентов других религий, вопреки сложившимся в литературе представлениям о различиях между представителями разных религий по влиянию урбанизации на ценностные ориентации.

Ключевые слова: миграция, Центральная Азия, брак, гендерные асимметрии, социальные роли, семейные роли, традиционные ценности

Благодарность. Исследование выполнено в рамках гранта Комитета по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант AP23489903).

Keywords: migration, Central Asia, marriage, gender asymmetries, social roles, family roles, traditional values

Acknowledgements. This article was published as part of the implementation of the AVR project IRN AR23489903, funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

Введение

Миграция населения в крупные города стала одним из ключевых социально-демографических процессов в 1990-е—2010-е годы на значительной части постсоветского пространства, в особенности в странах Центральной Азии, Закавказья, Юга России. Особенность миграции в города в этих странах и регионах в последние десятилетия состояла в том, что заметная доля мигрантов прибывала в крупные городские центры с территорий, где были сильны элементы традиционного, патриархального социума, с сохраняющимся большим значением родственных связей и жесткой асимметрией между женскими и мужскими ролями в семье (об этих особенностях в странах Средней Азии см. [Schmidt, Sagynbekova, 2008; Thieme, 2009]; в ряде городов Юга России—[Стародубровская, Идрисов, Казенин, 2022]). Для исследования городской среды постсоветских стран важно, какое влияние эта миграция оказывает на рост социокультурного разнообразия городского общества. В какой мере переселенцы в крупные города сохраняют нормы семейного уклада, воспринятые ими на территории, где они жили до миграции? Ответ на этот вопрос необходим не только для описания собственно переселенческих сообществ, но и для понимания общих перспектив развития городов, притягивающих миграционные потоки. Исследования городов со значительным миграционным приростом населения в разных частях мира показали, что социокультурные контрасты среди городского населения нередко сохраняются, поскольку во многих аспектах переселенцы не теряют свою «особость» от остального городского населения. Развившаяся на основе анализа таких явлений теория сегментной ассимиляции [Esser, 2004; Портес, Чжоу, 2017] допускает, что вместо обязательного включения в культуру «мейнстрима», переселенцы могут выбирать, в какой именно сегмент городского общества им предпочтительно

интегрироваться, и нередко при этом ориентируются на сообщества, наиболее близкие им в культурном отношении (в частности, на сообщества выходцев с тех территорий, откуда они переселились).

Одна из сфер, в которой различия между коренными жителями крупных городов и переселенцами регулярно оказываются существенными,— семейная сфера, характеризующаяся такими параметрами, как распределение ролей женщин и мужчин в семье, особенности брака и деторождения (например, среднее количество детей в семьях, частота разводов и т.д.). Известно, что у населения крупных городов регулярно наблюдается наиболее заметный отход от патриархальных семейных норм, выражющийся в более симметричных ролях женщин и мужчин в семье, в более низкой рождаемости, меньшей стабильности брачных союзов и т.д. (см., например, [Lindstrom, 2003; Kulu, 2005]). Миграция в города с территорий, для которых не характерны эти явления, ведет к усложнению городского социума, создает предпосылки для «культурных конфликтов» и для сегрегации в нем. Именно этим обусловлена практическая необходимость изучения различий в сфере семейных практик не только между жителями крупных городов и населенных пунктов других типов, но и между переселенцами в крупные города и их коренными жителями.

Возможный путь такого исследования — сопоставление переселенцев и коренного населения по их взглядам на семейную жизнь, декларируемым в ходе социологических опросов. Это позволяет увидеть различия между мигрантами и коренными жителями даже в тех случаях, когда в реальном поведении эти различия наблюдаются не столь четко. Серьезная потенциальная проблема данного метода состоит в том, что, сообщая в ходе опросов о своих взглядах, тем более по таким чувствительным темам, как семейные отношения, респонденты могут ориентироваться не на собственное мнение, а на мнения, доминирующие в социуме [Krumpal, 2013]. В случае с переселенцами оценка эффекта «социальной приемлемости» на ответы, данные в ходе опросов, дополнительно затруднена тем, что изначально неясно, идет ли речь о «приемлемости» каких-то вариантов ответов в принимающем социуме или в переселенческом сообществе.

В данной статье исследование проводится именно на данных социологического опроса, и принципиально важно с самого начала учитывать создаваемые им ограничения. Материалом служат данные опроса «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey), проведенного в Казахстане в 2018 г. Сопоставляются взгляды на социальные роли женщин и мужчин у трех групп респондентов этого опроса: индивидов, выросших в одном из крупнейших центральноазиатских мегаполисов — Алматы; индивидов, переехавших в этот город во взрослом возрасте; тех, кто вырос и проживал на момент опроса в других частях Казахстана. Влияние проживания и взросления в Алматы на ценностные ориентиры индивида сопоставляется у респондентов-мусульман и респондентов других вероисповеданий. Такое сопоставление было важным прежде всего в свете имеющихся в литературе результатов, указывающих на большую консервативность семейного уклада мусульман по сравнению с представителями других религий, проживающими в Центральной Азии [Kumo, Perugini 2024] (см. ниже и о других причинах, делающих актуальным сопоставление респондентов разных религий). На фоне этой тенденции,

фиксируемой на уровне социума в целом, возникало предположение, что переход в города оказывает более ограниченное влияние на ценностные ориентиры мусульман по сравнению с последователями других религий. Проведенный анализ позволил оценить, насколько это предположение верно.

Работа делает попытку внести вклад в современные исследования роли урбанизации в формировании ценностных ориентиров населения в трех аспектах. Во-первых, вводится в рассмотрение один из мегаполисов постсоветской Центральной Азии, города которой ранее мало изучались в отношении ценностных ориентиров населения, особенно в связи с идущей в эти города миграцией. Во-вторых, сопоставляются не уроженцы города и переселенцы, а те, кто вырос в городе, и те, кто переехал в него во взрослом возрасте. При исследовании постсоветских городов такая категоризация жителей до сих пор проводится очень редко, хотя именно возраст совершения миграции признан одним из существенных факторов, влияющих на восприятие ценностей и поведенческих моделей принимающего социума [Myers, 1999]. В-третьих, учитывается роль религиозной принадлежности респондента при исследовании влияния миграции в мегаполис на ценностные ориентиры.

Миграция в Алматы в постсоветское время

Постсоветский период истории Алматы характеризовался увеличением численности жителей, прежде всего за счет миграции из других регионов Казахстана, и изменением этнического состава населения города. Рост населения в 1990-е годы носил весьма ограниченный характер: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в городе проживало 1 071 900 человек, а по данным переписи населения Республики Казахстан 1999 г.— 1 129 400 человек, то есть за десять лет рост составил всего 5,4 %. Однако с начала 2000-х годов население города стало расти более заметными и все ускоряющимися темпами. На 2023 г., по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, численность населения города составила уже 2 195 290 человек [Демографический сборник Казахстана, 2023].

Постсоветский период характеризовался также значительными изменениями соотношения численности проживающих в городе этносов. В первую очередь изменения касались крупнейших этносов в составе городского населения. По данным Всесоюзной переписи населения России 1989 г., доля казахского населения среди алматинцев составила 23,8 %, а русского — 57,4 %. Согласно переписи населения Республики Казахстан 2021 г., эти доли составили 63,4 % и 20,5 % соответственно. Таким переменам способствовала активная миграция в город казахского населения из других частей страны, а также отъезд русского населения и несколько более высокая рождаемость среди казахского населения по сравнению с русским [Гали, 2011; Джумамбаев, 2014; Бюлекенова и др., 2024; Agadjanian et al., 2008; Makhanov, 2023].

Миграция в Алматы в постсоветское время была неоднородна в этническом отношении, однако «вклад» в нее этнических казахов регулярно был выше. Например, в 2015—2019 гг., по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, ежегодный

чистый миграционный прирост казахского населения в городе находился в пределах 22—36 тыс. человек, в то время как аналогичный показатель для русского населения составлял 1,5—3 тыс. человек [Демографический ежегодник города Алматы, 2015—2019: 73].

По данным Бюро национальной статистики, миграция в город русского населения шла преимущественно из соседней Алматинской области (объединенной в 1997 г. с Талды-Курганская областью, которая вновь была выделена в отдельный регион, называемый ныне Жетысуской областью, в 2022 г.). В составе этнических казахов, мигрировавших в город, значительную долю составляли выходцы из этой же области, а также из двух регионов юга Казахстана — Жамбыльской и Туркестанской (до 2018 г. — Южно-Казахстанской) областей. Население двух этих областей — по крайней мере, судя по демографическим показателям, доступным из официальных источников, — в постсоветское время отличалось достаточно консервативным семейным укладом: в 2000-х — начале 2020-х годов уровень рождаемости в них был одним из самых высоких в стране, а уровень разводимости — один из самых низких [Демографический сборник Казахстана, 2024]. Население Алматы в целом, судя по тем же индикаторам, характеризовалось в этот период одним из самых низких в стране уровней рождаемости и относительно более высокой частотой разводов. Таким образом, демографические данные указывают на значительные различия в семейных практиках между Алматы и некоторыми из тех регионов, откуда в город шла интенсивная миграция.

Сочетание особенностей позднесоветского и постсоветского развития Алматы делают этот город уникальным на фоне других городов Казахстана. В позднесоветское время город отличался, во-первых, разнообразием национального состава (помимо русских и казахов, значительную долю населения составляли различные этнические меньшинства, включая корейцев, немцев, уйгуров и др.), а во-вторых, значительно более высоким образовательным уровнем населения и более широкими возможностями для получения образования по сравнению с большинством других городов и регионов страны. В постсоветское время Алматы также, в отличие от абсолютного большинства городов Казахстана, почти не столкнулся с уменьшением общей численности населения, даже несмотря на значительный отток русского населения [Панарин 2005]. Можно сказать, что город не прошел после распада СССР через период столь значительного «опустения» и упадка, как большинство городов Казахстана, включая даже его новую столицу Астану.

Цель исследования

Основной целью исследования является сопоставление мигрантов и коренных жителей Алматы по взглядам на социальные роли мужчин и женщин. Упомянутые социологические исследования по постсоветской миграции в Центральной Азии, а также некоторые приведенные выше данные статистики по миграции в Алматы позволяют предположить, что заметная доля мигрантов прибывала в город с территорий, где преобладает более патриархальный по сравнению с крупными городами семейный уклад. На основе этого мы ожидаем, что среди переселенцев по сравнению с коренными жителями города более распространены представления о жестко отличающихся друг от друга социальных ролях мужчин и женщин,

по которым за женщиной закрепляется преимущественно забота о доме и семье, за мужчиной — работа и материальное обеспечение семьи. Образованию мужчин в этом случае также закономерно придается большее значение, чем образованию женщин, а тому, сколько времени отец проводит с детьми,— меньшее.

Предпосылка анализа состоит в том, что принципиальное влияние на формирование ценностных ориентиров индивида оказывает не столько рождение в городе, сколько первоначальная социализация в городской среде [Myers, 1999]. Поэтому мы сопоставляем респондентов, чье детство прошло в Алматы, и тех, кто переехал в город позднее. Обе категории жителей города сопоставляются также с жителями Казахстана, выросшими и проживающими за пределами Алматы.

Особенности городского развития Алматы в предшествующие десятилетия позволяют предположить, что для жителей этого города отход от патриархальных взглядов на семейный уклад, подразумевающий жесткое противопоставление социальных ролей женщин и мужчин, был более вероятен, чем для жителей других частей страны. Во-первых, вследствие высокого уровня образования в позднесоветское время в постсоветский период существенной оставалась доля населения, воспитанного в достаточно «модернизированном» семейном укладе, характерном для образованного населения крупных советских городов [Вишневский, 1998]. Несмотря даже на значительные изменения состава населения города в 1990-е годы, контакты с представителями этого слоя с большой вероятностью оставались частью социального опыта всех горожан. Во-вторых, менее значительный по сравнению с другими городами упадок городской среды и экономики, а также во многом сохранившаяся с советских времен система образования увеличивали возможности женщин для учебы и работы, то есть на практике позволяли им не ограничивать круг своих занятий семьей. Разумеется, жителей постсоветского Казахстана за пределами Алматы невозможно рассматривать как «гомогенный» социум в отношении интересующих нас характеристик. Тем не менее в силу упомянутых выше факторов обоснованным представляется предположение, что по преобладающим взглядам на социальные роли мужчин и женщин жители постсоветской Алматы могут заметно отличаться от населения других частей страны — не только сельского, но и городского. Этим оправдывается рассмотрение жителей других частей Казахстана как единой категории в анализе.

Наряду с общим сравнением указанных групп жителей в каждой из этих групп сопоставляются индивиды разного вероисповедания, с концентрацией в первую очередь на возможных различиях мусульман и представителей других религий. Наряду с упомянутыми выше результатами исследований, указывающих на более высокий уровень семейного консерватизма среди мусульман Центральной Азии по сравнению с представителями других религий, такая задача оправдана и другими причинами. Во-первых, для сегодняшнего Казахстана вероисповедание достаточно сильно корелирует с этнической принадлежностью. При отсутствии в данных опроса «Поколения и гендер» по Казахстану прямого указания на этническую принадлежность респондентов параметр вероисповедания позволяет в каком-то приближении сопоставить основные этнические группы мигрантов по тому, насколько их ценностные ориентиры близки городскому населению (в случае Алматы переселенцы мусульманского вероисповедания в основном включают в себя

этнических казахов и уйгур). Это, в свою очередь, дает возможность оценить, в какой мере межэтнические культурные различия сохраняются после миграции в мегаполис. Во-вторых, многочисленные исследования, проведенные на материале различных стран, показывают, что на адаптацию мигрантов-мусульман могут оказывать влияние особые факторы, в том числе развитие на новом месте проживания социальных связей с единоверцами [van Tubergen, Sindradottir, 2011]. Отсюда можно ожидать, что среди переселенцев мусульманского вероисповедания формирование ценностных ориентиров будет идти несколько иначе по сравнению с другими переселенцами, поскольку большую роль в их формировании могут играть городские мусульманские общины. Влияние этих общин может быть разнонаправленным, но существенно, что сам фактор общин для формирования ценностных ориентиров мусульманского населения может играть особенно значительную роль.

Данные

Источник данных — исследование «Поколения и гендер», первая волна которого была проведена в Казахстане в апреле-ноябре 2018 г.¹ (пока однократно). Это стандартизованный опрос, который с 2004 по 2023 г. был по крайней мере однократно проведен в 19 странах мира. Казахстан — одно из немногих государств за пределами Европы, где состоялся данный опрос. Общий объем выборки по стране составил 14857 женщин и мужчин в возрасте от 18 до 79 лет².

Особенность опроса «Поколения и гендер» состоит в том, что его данные содержат как многочисленные социально-демографические характеристики респондентов (образование, семейное положение, количество детей, трудовая деятельность, миграционная история и т.д.), так и ответы на вопросы, касающиеся ценностных ориентиров. В частности, респондентам предлагалась серия вопросов об их взглядах на роль женщин и мужчин в семье и обществе. Для задач нашего исследования наибольший интерес представляли вопросы из этой серии, которые касались задач или видов деятельности, в патриархальном укладе закрепленных в основном за мужчинами (работа за пределами домохозяйства, заработок) или в основном за женщинами (воспитание детей). Вопросы данной группы, ответы на которые использовались в анализе, формулировались следующим образом: «Чьей задачей, по вашему мнению, является воспитание детей и забота о доме?», «Чьей задачей, по Вашему мнению, является материальное обеспечение семьи?»³ Ответы респондентов, указывающие на их предпочтение традиционного разделения функций между мужчинами и женщинами в семье, обнаруживали сторонников более консервативного семейного уклада, а ответы, указывающие

¹ См. Generations and Gender Survey 2020 Kazakhstan Wave 1. URL: <https://ggs.colectica.org/item/int.ggp/009e728f-77f1-4c45-88be-e3bc1acbb5fa/1> (дата обращения: 21.12.2025).

² О принципах формирования выборки и других ключевых особенностях опроса «Поколения и гендер» см. [Vikat et al., 2007]. Согласно общим требованиям данного опроса, при формировании выборок используется вероятностная стратегия [Simard, Franklin 2005].

³ В анкете проекта «Поколения и гендер» имелись и другие вопросы о «разделении труда» отцов и матерей при воспитании детей. Для анализа был выбран данный вопрос, так как, в отличие от других вопросов данного ряда, он касался именно «нормативной» стороны организации семьи, предписанных супругам ролей, а не их способности или психологической предрасположенности к уходу за детьми.

на неприятие такого разделения, свидетельствовали об отходе от этих консервативных идеалов. К вопросам о ролях мужчины и женщины в семье тесно приымкал вопрос о том, для кого — мужчин или женщин — в первую очередь важно иметь высшее образование и работу. Консервативным семейным установкам соответствовала точка зрения, что работа и образование важны в первую очередь для мужчины. Отход от этой точки зрения свидетельствовал о принятии менее патриархальной точки зрения на социальные роли мужчин и женщин. Данные вопросы формулировались в анкете следующим образом: «Для кого, по вашему мнению, важнее получить высшее образование?», «Для кого, по вашему мнению, важнее иметь работу?» На все приведенные вопросы предлагалось три варианта ответа: «(для) женщин», «(для) мужчин», «(для) мужчин и женщин в равной степени».

Также интерес для целей исследования представляли вопросы, в которых респондентам нужно было согласиться или не согласиться с определенной точкой зрения, касающейся семейной жизни. Из них как наиболее актуальные для целей исследования были выбраны вопросы о совмещении отцами и матерями работы и воспитания ребенка: «Согласны ли Вы, что работающая мать может поддерживать тесные и стабильные отношения с ребенком?»; «Согласны ли Вы, что для ребенка дошкольного возраста вредно, когда отец очень много времени проводит на работе?» По обоим вопросам предлагалось пять вариантов ответов, от категорического согласия до категорического несогласия. Патриархальным семейным ценностям соответствовало несогласие с предложенными утверждениями.

Данные опроса «Поколения и гендер» по Казахстану не содержали полной миграционной истории респондентов, однако помимо региона, в котором респондент проживал на момент опроса, содержалась информация о стране/регионе, где респондент родился и где жил в возрасте до 15 лет⁴. Из общего числа 14857 респондентов опроса при анализе было исключено 1238 респондентов, которые в возрасте до 15 лет жили за пределами Казахстана. Такое решение связано с ожидаемой значительной ценностной разнородностью этой группы в зависимости от страны, в которой прошло взросление. Также были исключены из анализа 49 респондентов, которые на момент опроса жили вне Алматы, но провели детство в этом городе. Исключение группы было оправдано ее малочисленностью, а также трудностью прогнозирования эффекта детства в городе при разнонаправленности последующих переселений. Таким образом, общее число респондентов, включенных в анализ, составляло 13570.

Следует отметить, что между регионом рождения и регионом, где респондент прожил первые 15 лет, наблюдалась очень высокая корреляция: среди жителей Алматы, для которых имелись данные по обоим этим вопросам, несовпадение регионов рождения и проживания в первые 15 лет зафиксировано лишь примерно у 7 %. Тем самым анализ опроса не позволял достоверно сопоставить эффекты рождения в городе и проживания в городе в период детства. Тем не менее, следуя первоначально сформулированной цели исследования, в анализе мы различали респондентов не по месту рождения, а по тому, прошло ли их детство в городе или за пределами.

⁴ Насколько можно судить, не имелось какой-либо специальной методики обработки ответов в случае, если респондент сообщал, что в возрасте до 15 лет переехал из одного региона в другой. По-видимому, в таких случаях респондентам предлагалось определить регион, в котором прошла наибольшая часть их детства.

Метод

Взгляды на социальные роли мужчин и женщин, очевидно, могут зависеть не только от того, провел ли респондент детство в городе или за его пределами, но и от большого количества других факторов, по которым могут различаться респонденты наряду с различиями по месту проживания и миграционному статусу. В связи с этим для анализа было необходимо использовать регрессионные модели, так как они позволяют различить роль места проживания в детстве от роли других факторов, потенциально значимых для мнения респондента по исследуемым вопросам. Поскольку представления о социальных ролях мужчин и женщин в опросе «Поколения и гендер» измеряются с помощью порядковых шкал, а также по причине возможных нелинейных различий были использованы мультиноминальные логистические модели.

У зависимых переменных, отражающих ответы на вопросы о предпочтительности выполнения определенной социальной роли женщинами или мужчинами, было три варианта ответов: «женщины», «мужчины», «мужчины и женщины в равной степени». Если вопрос предполагал пять вариантов ответа: «определенno, да», «скорее да», «ни да ни нет», «скорее нет» и «определенno нет», — он был перекодирован в три значения: «согласие» (соответствовало первым двум вариантам ответа), «нейтралитет» (соответствовал третьему варианту ответа), «несогласие» (соответствовало четвертому и пятому вариантам ответа). Если для респондента в данных не было информации об ответе на какой-либо вопрос или содержалось указание на отказ от ответа, из анализа ответов на данный вопрос респондент исключался. Такие случаи имели низкую частотность (см. табл. 1), которая вряд ли позволяет рассматривать их как источник существенного искажения результатов анализа.

Для ответа на каждый из вопросов были построены две модели. В обеих моделях основной объяснительный параметр различал три категории респондентов (ниже для краткости этот параметр обозначается как «статус респондента»): (1) проживающие в Алматы на момент опроса и жившие там до 15 лет; (2) проживавшие в Алматы на момент опроса, но переехавшие туда из других частей Казахстана в возрасте старше 15 лет; (3) проживавшие на момент опроса за пределами Алматы и жившие в другой части страны в возрасте до 15 лет⁵.

В качестве контрольных в первой модели применялись следующие параметры:

- пол респондента;
- возраст респондента на момент опроса (были использованы бинарные переменные для различия следующих возрастных категорий: 18—24 года, 25—29, 30—39, 40—49, 50—59, 60+);
- уровень образования респондента на момент опроса (начальное или ниже, среднее, высшее);

⁵ В постсоветское время территория города Алматы неоднократно расширялась за счет территории Алматинской области. Наиболее активно изменение границ шло в первой половине 2010-х годов. Нельзя исключать, что у части респондентов, проживавших на момент опроса в Алматы, детство прошло на территориях, на момент опроса входивших в состав Алматы, а ранее — в состав Алматинской области. Мы не можем знать, как такие респонденты отвечали на вопрос о месте жительства в период детства. В качестве проверки устойчивости результатов анализа были дополнительно построены модели, в которых респонденты, выросшие/проживавшие в Алматы или Алматинской области, сопоставлялись с респондентами, проживавшими в других частях страны. Существенных различий по результатам между моделями с такой категоризацией респондентов и моделями, описываемыми в статье, не обнаружилось.

— семейное положение на момент опроса (по этому параметру различались имеющие и не имеющие на момент опроса супруга/партнера; включение в модели параметра, более детально описывающего семейное положение, в частности различающего овдовевших, разведенных и т. д., было затруднено малочисленностью респондентов этих категорий в подвыборке жителей Алматы);

— религиозная принадлежность (различались респонденты, определившие себя в ходе опроса как мусульмане, православные христиане, представители других религий⁶ и неверующие).

Поскольку абсолютное большинство респондентов идентифицировали себя либо как мусульмане, либо как православные (см. таблицу А1 [электронного приложения](#)), последний параметр, скорее всего, в какой-то мере допустимо рассматривать и как коррелят этнической принадлежности.

Имеющееся у респондента количество детей, очевидно, также могло оказывать влияние на взгляды по рассматриваемым вопросам. Однако данный параметр (как и бинарный параметр наличия/отсутствия хотя бы одного ребенка у респондента) оказался сильно скоррелирован с семейным положением на момент опроса и поэтому не мог быть включен в анализ.

К сожалению, параметры, характеризующие материальное положение индивида или его семьи на момент опроса, в данных опроса «Поколения и гендер» по Казахстану были определены только для малой части респондентов, вследствие чего их использование в качестве контрольных было невозможно. Это создавало определенные ограничения для анализа, поскольку взгляды на брак и на социальные роли мужчин и женщин могут варьировать в зависимости от уровня жизни.

Во второй модели эффект проживания и взросления в Алматы сопоставлялся для респондентов, самоидентифицировавшихся в ходе опроса как мусульмане, и для респондентов, иначе определивших свою религиозную принадлежность. Для этого были использованы мультиноминальные логистические модели с взаимодействием двух бинарных параметров: статуса респондента и переменной, указывающей, идентифицировал ли себя респондент в ходе опроса как мусульманина. В качестве контрольных параметров во второй модели применялись те же переменные, что и в первой модели, за исключением переменной религиозной принадлежности.

Для более наглядной презентации результатов анализа на основе построенных моделей были вычислены «предсказанные вероятности» каждого варианта ответа на вопрос при заданном значении основного объяснительного параметра (места проживания в детстве или «взаимодействия» места проживания в детстве и религиозной принадлежности). В соответствии со стандартной методикой «предсказанные вероятности» были вычислены как среднее вероятностей какого-либо варианта ответа на вопрос, посчитанных с помощью регрессионного уравнения для каждого индивида выборки при присвоении всем индивидам интересующего значения объяснительного параметра (о данном методе презентации результатов

⁶ Среди респондентов, определивших себя как представителей других религий, две трети были охарактеризованы в доступной нам базе данных опроса как индуисты, что, с учетом малой представленности этой религии в Казахстане, скорее всего, является результатом ошибки. Еще примерно четверть респондентов этой группы составляли последователи христианских течений, альтернативных православию. Вне зависимости от того, насколько правомерно было объединение в одну группу респондентов разных религий, их сравнительно малая доля в исследуемой выборке (10%) не позволяла ожидать, что данное решение окажет серьезное влияние на результаты анализа.

регрессионного анализа см. [Muller, MacLehose, 2014]). «Предсказанные вероятности» при демонстрации результатов анализа даются в форме графиков с доверительными интервалами на уровне значимости 83,5 %, поскольку отсутствие «пересечения» доверительных интервалов этого уровня для двух величин позволяет с вероятностью 95 % утверждать, что сами оцениваемые величины не равны друг другу [Payton et al., 2003]⁷. В следующем разделе результаты моделирования представлены в виде графиков, показывающих «предсказанные вероятности» разных вариантов ответа на исследуемые вопросы. Ниже термин «вероятность» используется в качестве эквивалента термина «предсказанная вероятность». Для краткости эффекты контрольных параметров при описании результатов в основной части статьи не представлены. Полные модели содержатся в [электронном приложении](#).

Результаты

В таблице 1 представлено распределение значений зависимых параметров, используемых в моделях, у трех сопоставляемых групп респондентов.

Таблица 1. Распределение ответов респондентов на вопросы о социальных ролях мужчин и женщин, %

	Кому важнее иметь высшее образование — мужчинам или женщинам?			Кому важнее иметь работу — мужчинам или женщинам?		
	Проживающие за пределами Алматы	Переехавшие в Алматы по взрослом возрасте	Выросшие в Алматы	Проживающие за пределами Алматы	Переехавшие в Алматы по взрослом возрасте	Выросшие в Алматы
Мужчинам	13,46	7,59	5,73	38,87	32,64	30,36
И женщинам, и мужчинам	80,82	86,78	91,30	58,92	64,94	68,37
Женщинам	4,12	4,02	2,12	1,36	1,03	0,85
Нет ответа	1,60	1,61	0,85	0,85	1,38	0,42
	<i>Кто в первую очередь должен зарабатывать деньги для семьи — мужчина или женщина?</i>			<i>Кто в первую очередь должен заботиться о доме и детях?</i>		
Мужчина	60,20	56,55	54,78	4,65	4,37	6,37
И женщина, и мужчина	37,06	40,80	44,37	50,17	52,18	63,48
Женщина	1,89	0,21	0,21	44,23	41,61	29,72
Нет ответа	0,85	0,64	0,64	0,95	1,84	0,42
	<i>Может ли работающая мать установить теплые и стабильные отношения с ребенком?</i>			<i>Вредно ли для ребенка дошкольного возраста, когда отец очень много времени проводит на работе?</i>		
Да	70,74	53,33	59,45	34,07	38,62	55,63
И да, и нет	12,74	17,24	19,32	21,69	14,83	15,50
Нет	12,05	23,33	18,90	38,49	36,67	25,05
Нет ответа	4,47	6,09	2,34	5,75	9,89	3,82
Всего	13467	870	471	13467	870	471

⁷ Отсутствие пересечения между доверительными интервалами указывает на то, что различия между вероятностями разных ответов на рассматриваемые вопросы на основании построенных моделей следует считать статистически значимыми.

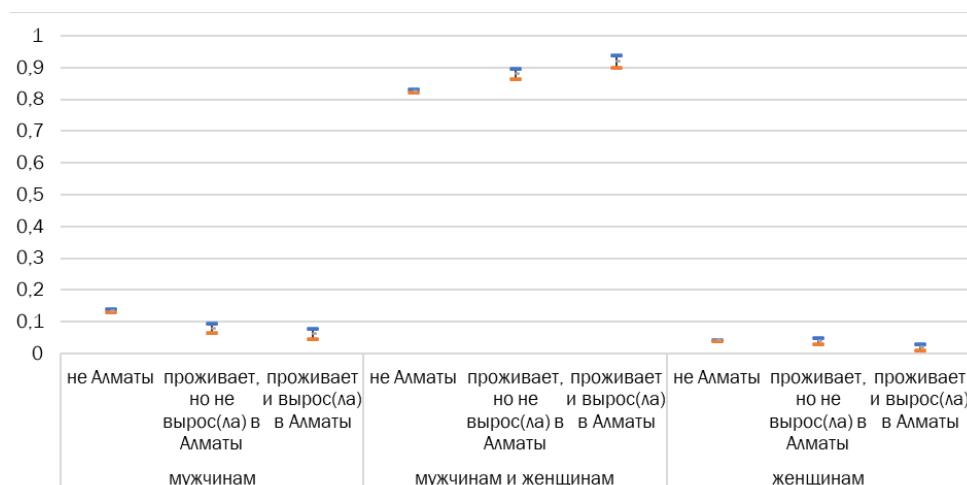
По всем вопросам, кроме вопроса о том, вредно ли для ребенка дошкольного возраста, если отец слишком много времени проводит на работе, самый частотный вариант ответа был одним и тем же во всех трех группах. По вопросу об образовании и работе во всех трех группах преобладала точка зрения об их важности и для мужчин, и для женщин. Также большинство респондентов во всех трех группах разделяло точку зрения, что забота о доме и детях — в равной мере задача женщины и мужчины, и верило в то, что работающая мать способна установить теплые и стабильные отношения с ребенком. Асимметрическая точка зрения на роли мужчин и женщин преобладала только в ответе на вопрос о том, кто в первую очередь должен зарабатывать деньги для семьи: во всех трех группах респондентов наиболее распространенной оказалась точка зрения, что это обязанность мужчины. При этом частота ответов, соответствующих симметричным представлениям о роли мужчин и женщин, была регулярно наиболее высокой среди выросших в Алматы, ниже среди проживающих там, но выросших в другой части страны, и еще ниже среди проживающих в других частях страны. По вопросу о том, вредно ли для ребенка постоянное отсутствие работающего отца дома, среди выросших в Алматы положительный ответ фиксировался в два раза чаще, чем отрицательный, а у двух других групп респондентов частоты положительного и отрицательного ответов были очень близки друг другу.

Распределения, представленные в таблице 1, не указывают на резкие контрасты между исследуемыми группами респондентов. За редкими исключениями, различия между тремя группами по частоте определенного ответа находятся в пределах 10 п. п. Однако необходимо учитывать, что на эти межгрупповые различия могли оказывать влияние и различия между группами по другим параметрам, потенциально влияющим на ценностные установки, таким как пол, возраст, образование, семейное положение, религиозная принадлежность. Для обеих групп респондентов, на момент опроса проживавших в Алматы, влияние этих факторов на распределения ответов на вопросы могло быть особенно велико в силу относительной немногочисленности этих групп. Именно поэтому более надежную картину различий между рассматриваемыми группами мог дать регрессионный анализ, в котором все перечисленные параметры выступали в качестве контрольных. В этом случае различия между респондентами трех исследуемых групп по взглядам на социальные роли мужчин и не могли объясняться различиями между ними по контрольным параметрам. На рисунках 1—6 показаны «предсказанные вероятности» (далее для простоты обозначаемые как «вероятности») разных ответов на вопросы для трех рассматриваемых групп респондентов. Эти показатели посчитаны на основе моделей без взаимодействия параметров. На рисунках показаны доверительные интервалы вероятностей.

В ответах на вопрос о том, мужчинам или женщинам важнее иметь высшее образование (см. рис. 1), вероятность ответа «мужчинам и женщинам в равной степени» была очень высока для всех категорий респондентов, так что альтернативные точки зрения можно считать маргинальными. Тем не менее у жителей Алматы, вне зависимости от места проживания в первые 15 лет, ве-

роятность этого ответа была статистически значимо выше по сравнению с проживавшими за пределами города. При этом для выросших в Алматы данный ответ, в свою очередь, был статистически значимо более вероятен, чем для тех, кто переехал в город после 15 лет. В обоих случаях, при статистической значимости, различия не были велики. Вероятность точки зрения, что высшее образование важнее получить женщинам, была выше у переехавших в город после 15 лет, чем у выросших в нем, хотя уровень вероятности такого ответа был крайне низок для всех категорий респондентов. У проживавших вне Алматы значимо выше была вероятность точки зрения, что высшее образование важнее иметь мужчинам.

Рис. 1. Вероятности ответов на вопрос о том, в первую очередь мужчинам или женщинам важно иметь высшее образование

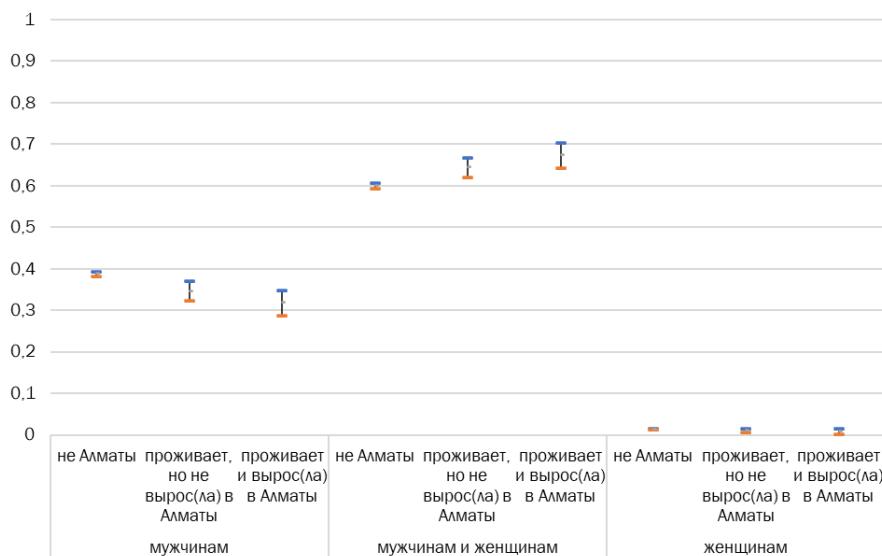

Рассмотрим теперь вероятности ответов на вопрос, мужчины или женщины должны в первую очередь иметь работу. Как видно на рисунке 2, значимых различий между выросшими в Алматы и переехавшими туда позднее не наблюдалось. При этом для обеих групп проживавших в Алматы по сравнению с проживавшими за пределами города значимо выше была вероятность точки зрения, что иметь работу одинаково важно мужчинам и женщинам, хотя абсолютные различия по вероятности не были велики. Наоборот, у проживавших за пределами Алматы по сравнению с обеими группами жителей города значимо выше оказалась вероятность точки зрения, что иметь работу важнее мужчинам.

На рисунке 3 показаны вероятности ответов на вопрос о том, мужчины или женщины должны в первую очередь зарабатывать деньги для семьи. Здесь значимые различия фиксировались только между проживавшими на момент опроса в Алматы или за ее пределами: среди проживавших в городе более распространена была точка зрения, что эту роль в одинаковой степени должны исполнять и муж-

чины, и женщины, и менее распространена точка зрения, что в качестве «добытчика» в семье выступать должен только мужчина.

*Рис. 2. Вероятности ответов на вопрос о том,
в первую очередь мужчинам или женщинам важно иметь работу*

*Рис. 3. Вероятности ответов на вопрос о том,
в первую очередь мужчины или женщины должны зарабатывать деньги для семьи*

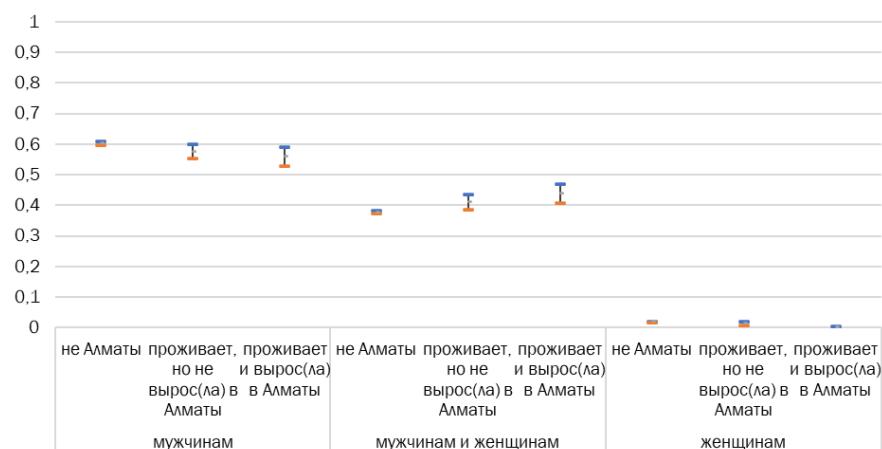
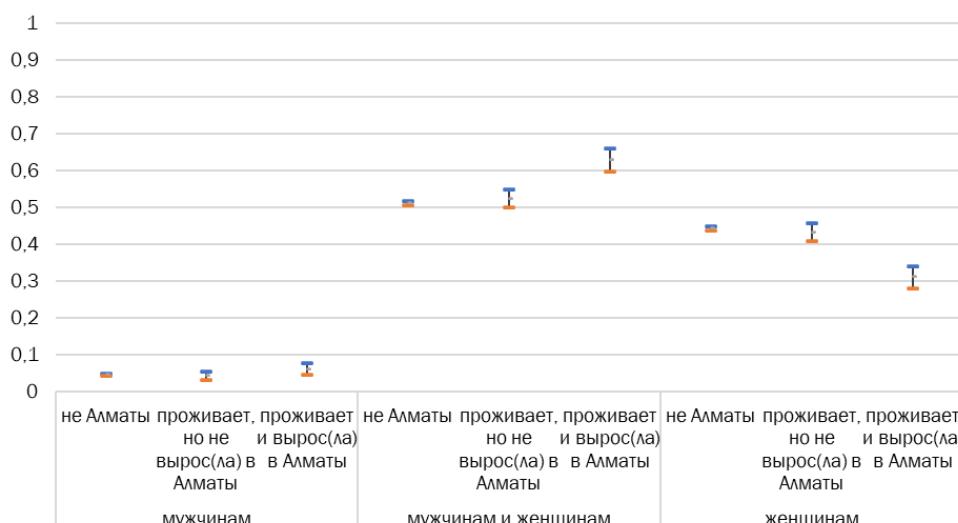

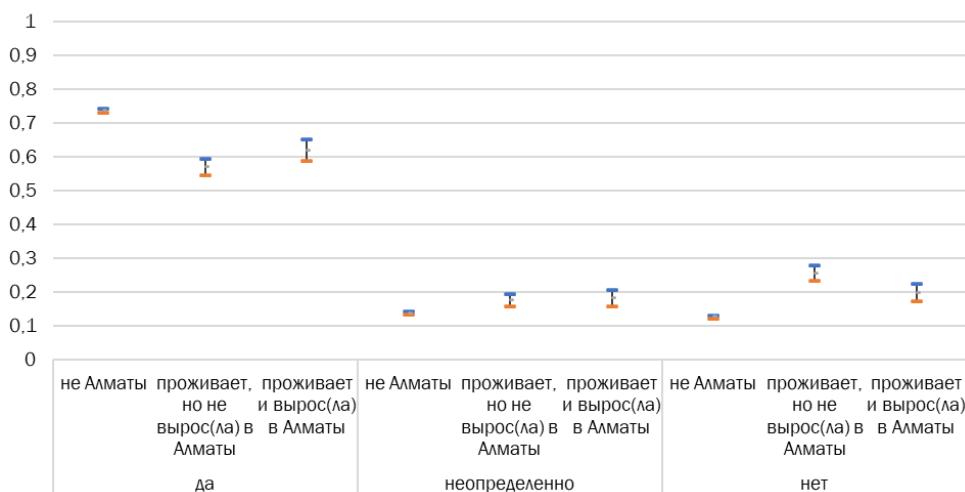
Рисунок 4 демонстрирует распределение вероятностей различных ответов на вопрос о том, мужчины или женщины должны в первую очередь заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей. В данном случае значимые различия наблюдались между теми, чье детство прошло в Алматы, и всеми остальными респондентами: у выросших в городе значимо выше оказалась вероятность точки зрения, что эту задачу должны брать на себя и мужчины, и женщины, и значимо ниже вероятность точки зрения, что это исключительно задача женщин. Разница между вероятностями в этом случае была больше, чем в наблюдавшихся ранее случаях статистически значимых различий.

*Рис. 4. Вероятности ответа на вопрос,
мужчины или женщины должны в первую очередь заботиться о доме и детях*

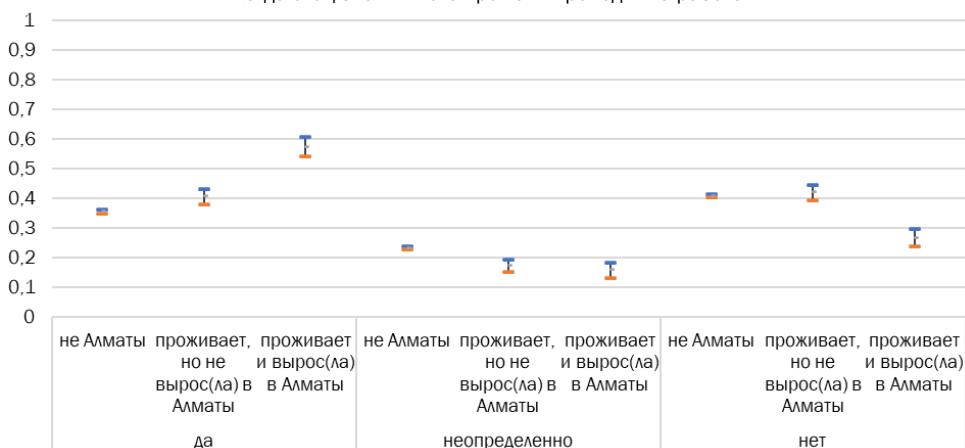
Представления о том, может ли работающая мать установить теплые и стабильные отношения с ребенком, также различались в зависимости от места проживания и взросления респондентов (см. рис. 5). Мнение, что это возможно, больше всего было распространено у живущих вне Алматы; у них также наиболее низка по сравнению с другими группами респондентов вероятность противоположного мнения. Разрывы по вероятностям в обоих случаях достаточно существенны. У выросших в Алматы утверждение, что работа матери не мешает ее отношениям с ребенком, было более вероятно, чем у жителей города, чье детство прошло в другом месте, однако в данном случае различие между вероятностями было меньше и находилось на грани статистической значимости. Наоборот, мнение, что работа матери и ее полноценные отношения с ребенком несовместимы, оказалось распространеннее среди тех, кто проживает, но не вырос в Алматы, по сравнению с теми, кто там вырос.

*Рис. 5. Вероятности ответа на вопрос,
может ли работающая мать установить теплые и стабильные отношения с ребенком*

Согласие с тем, что для ребенка дошкольного возраста плохо, если отец очень много времени проводит на работе, было менее всего вероятно у тех, кто жил за пределами Алматы (см. рис. 6). У тех, кто вырос в Алматы, вероятность такой точки зрения значительно выше, чем у живущих в Алматы, но не выросших там, причем контраст по вероятностям весьма заметный. Противоположная точка зрения была значительно менее вероятна у выросших в Алматы по сравнению с переехавшими в город после 15 лет и по сравнению с проживающими в другой части страны.

Рис. 6. Вероятности ответа на вопрос, вредно ли для ребенка дошкольного возраста, когда отец очень много времени проводит на работе

Обратимся теперь к результатам анализа, имевшего целью выявить различия во взглядах на роли мужчин и женщин между респондентами-мусульманами и последователями других религий. Как было отмечено выше, в рамках целей настоящего исследования интерес представляли не собственно различия респондентов разных религиозных групп по частоте разных ответов на вопросы анкеты, а то, различаются ли мусульмане и респонденты других религий по связи между вероятностью разных ответов и проживанием/взрослением в мегаполисе. Поэтому в таблице 2 сопоставляются предсказанные вероятности разных точек зрения на социальные роли мужчин и женщин, посчитанные на основе моделей с взаимодействием параметра религиозной принадлежности и параметра, указывающего на место проживания/взросления респондента. Обнаруженные различия между респондентами-мусульманами и респондентами других вероисповеданий представлены в таблице 2. В [электронном приложении](#) представлено дескриптивное распределение респондентов-мусульман и респондентов других религий по ответам на все исследуемые вопросы, а также мультиноминальные логистические модели, на основе которых посчитаны предсказанные вероятности. В таблице 2 приведены только те мнения, по которым соотношения вероятностей у мусульман и респондентов других религий оказались разными. Показаны только статистически значимые различия (знак «>» означает, что у группы, указанной слева от него, вероятность соответствующего мнения значимо выше, чем у группы, указанной справа от него).

**Таблица 2. Вопросы о социальных ролях мужчин и женщин:
случаи статистически значимых различий между респондентами-мусульманами
и другими респондентами по эффекту проживания и взросления в Алматы***

Мнение	Соотношение предсказанных вероятностей данного мнения у респондентов-мусульман	Соотношение предсказанных вероятностей данного мнения у респондентов других вероисповеданий
Иметь высшее образование в равной степени важно для мужчин и для женщин	$B > \Pi > \text{не}\Pi$	$B, \Pi > \text{не}\Pi$
Иметь работу одинаково важно мужчинам и женщинам	$B > \Pi, \text{не}\Pi$	$\Pi > B > \text{не}\Pi$
Иметь работу важнее мужчинам	$\text{не}\Pi, \Pi > B$	$\text{не}\Pi, B > \Pi$
Деньги для семьи должны в первую очередь зарабатывать мужчины	$\text{не}\Pi > B, \Pi$	$\Pi > \text{не}\Pi$
Деньги для семьи должны зарабатывать и мужчины, и женщины	$\Pi, B > \text{не}\Pi$	$\text{не}\Pi > \Pi$
Домашними делами и детьми должны в равной мере заниматься женщины и мужчины	$\Pi, B > \text{не}\Pi$	$B > \text{не}\Pi > \Pi$
Домашними делами и детьми должны в первую очередь заниматься женщины	$\text{не}\Pi > B, \Pi$	$\Pi > \text{не}\Pi > B$

Мнение	Соотношение предсказанных вероятностей данного мнения у респондентов-мусульман	Соотношение предсказанных вероятностей данного мнения у респондентов других вероисповеданий
Согласен(–на), что для ребенка дошкольного возраста плохо, если отец очень много времени проводит на работе	B > П, неП	B, П > неП
Не согласен(–на), что для ребенка дошкольного возраста плохо, если отец очень много времени проводит на работе	П > неП > B	неП > П > B

* В — выросшие в Алматы; П — проживающие в Алматы, выросшие в других частях Казахстана; неП — выросшие и проживающие в других частях Казахстана.

Как видно из таблицы 2, связь проживания или взросления в мегаполисе с отказом от патриархальных представлений о социальных ролях мужчин и женщин более последовательно наблюдается у респондентов-мусульман. Среди них представление о том, что иметь высшее образование и работу в одинаковой степени важно и мужчинам, и женщинам, значимо более вероятно у выросших в Алматы, чем у переехавших туда во взрослом возрасте или живущих в других частях страны. Наоборот, мнение, что иметь работу важнее мужчинам, среди респондентов-мусульман значимо менее вероятно у выросших в Алматы по сравнению с проживающими или выросшими за пределами мегаполиса. У респондентов других вероисповеданий такого последовательного противопоставления выросших в мегаполисе всем другим группам респондентов по более эгалитарным взглядам на работу и образование мужчин и женщин не наблюдается. Более того, у респондентов-немусульман патриархальное представление о том, что иметь работу важнее мужчинам, среди выросших в Алматы значимо более вероятно, чем среди переехавших туда во взрослом возрасте. Аналогично среди респондентов-мусульман вероятность точки зрения, что деньги для семьи должны зарабатывать только мужчины, значимо выше у проживающих вне Алматы, чем у выросших в этом городе или переехавших в него, а точка зрения, согласно которой деньги должны зарабатывать представители обоих полов, наоборот, значимо менее вероятна у проживающих вне Алматы по сравнению с двумя другими группами. Проживающие вне Алматы среди респондентов-мусульман отличаются и более высокой вероятностью точки зрения, согласно которой домашними делами и детьми должна заниматься в первую очередь женщина, и более низкой вероятностью точки зрения, что мужчины и женщины должны выполнять эту функцию в равной мере. Для респондентов других религий не наблюдается такой последовательной связи между проживанием за пределами Алматы и приверженностью более «традиционным» взглядам на участие мужчин и женщин в домашних делах. Единственный случай, когда фактор мегаполиса более тесно связан с отказом от патриархального распределения ролей в семье у респондентов-немусульман по сравнению с мусульманами, касается ответа на вопрос о том, плохо ли для ребенка дошкольного возраста, когда отец проводит слишком много времени на работе. У респондентов других религий согласие с этой точкой зрения значимо менее вероятно сре-

ди проживающих за пределами Алматы, и среди них же значимо более вероятна противоположная точка зрения. У респондентов-мусульман распределение вероятностей разных мнений по данному вопросу не позволяет однозначно говорить о связи представления о необходимости участия отца в воспитании детей с фактором мегаполиса: среди них несогласие с тем, что постоянная занятость отца работой вредна для ребенка, наиболее вероятна среди проживающих в Алматы.

Обсуждение результатов

На примере одного из крупнейших мегаполисов постсоветской Центральной Азии, Алматы, мы увидели отличия его населения от населения других частей страны по преобладающим взглядам на социальные роли женщин и мужчин. Анализ продемонстрировал более эгалитарные точки зрения на данные вопросы среди населения мегаполиса по сравнению с жителями других частей страны. Также результаты в целом подтвердили, что жители Алматы, проведшие детство в данном мегаполисе, демонстрируют менее традиционные представления о социальных ролях женщин и мужчин по сравнению с теми жителями города, которые провели детство за его пределами. Это касается точек зрения на участие мужчин и женщин в воспитании детей, в материальном обеспечении семьи, на важность образования и трудовой деятельности мужчин и женщин. В большинстве случаев различия в вероятностях разных точек зрения на эти вопросы между рассматриваемыми группами населения были невелики в абсолютном выражении, однако статистическая значимость межгрупповых различий регулярно указывала на наличие указанных тенденций.

Этот результат позволяет констатировать культурные контрасты внутри населения Алматы и подтверждает предположение, что по крайней мере частично эти различия могут быть связаны с более консервативными социальными нормами, в которых выросла часть прибывающих в город переселенцев. Пример Алматы также говорит в пользу того, что миграция в мегаполис в постсоветской Центральной Азии не обязательно сопровождается уподоблением переселенцев коренным жителям города по ценностным ориентирам. Переехавшие в город во взрослом возрасте демонстрируют регулярные отличия по таким ориентирам от выросших в городе, подтверждая теоретические представления о роли места первоначальной социализации индивида для его ценностных установок и поведенческих стандартов (ср. обсуждение этих теоретических представлений в контексте демографического поведения мигрантов разных поколений в [Kulu et al. 2019; Pailhé 2017] и др.).

При этом анализ показал, что по некоторым вопросам переселенцы в мегаполис «группируются» с жителями других частей страны, а по некоторым другим — с теми, кто вырос в мегаполисе. Наиболее явной «точкой согласия» между выросшими в Алматы и переехавшими туда позднее является вопрос о работе женщин и об их участии в обеспечении доходов семьи. Это позволяет предположить, что точка зрения на этот вопрос в значительной степени формируется взрослым опытом жизни в городе, где трудовая деятельность обоих супругов является нормой и необходимостью для большинства семей. Однако взгляды, касающиеся более «внутренних» сторон семейной жизни, таких как роль супружеского в воспитании де-

тей и ведении домашнего хозяйства, оказались более «чувствительными» именно к тому, вырос респондент в Алматы или за его пределами. Тем самым, по-видимому, для выработки мнений по этим вопросам оказывается важным опыт, приобретенный в детстве, и наблюдаемые индивидом в тот период образцы социального поведения.

Мы также видели, что среди респондентов-мусульман проживание и взросление в мегаполисе демонстрирует более регулярную связь с ослаблением роли патриархальных представлений о социальных ролях мужчин и женщин, чем среди респондентов других религий. Этот результат представляет интерес в первую очередь на фоне исследований, демонстрирующих большую распространенность консервативных семейных ценностей среди мусульман в странах Центральной Азии [Kumto, Perugini 2024]. Продолжение миграции населения в мегаполисы, по крайней мере в контексте Казахстана, может иметь результатом сдвиг семейных идеалов мусульманского населения в сторону большей симметричности ролей женщин и мужчин в семье, что, в свою очередь, с большой вероятностью будет значимо и для демографических перспектив этих городских образований.

На вопрос о том, почему именно среди респондентов-мусульман взросление в мегаполисе и переезд в него наиболее тесно связаны со сдвигами к более симметричным представлениям о социальных ролях мужчин и женщин, предварительно можно дать как минимум два ответа. С одной стороны, как уже было отмечено, среди респондентов-мусульман значительную долю составляли выходцы из регионов Казахстана, характеризующихся — судя, по крайней мере, по доступным демографическим показателям, — достаточно консервативным семейным укладом. Большой удельный вес жителей этих регионов среди респондентов-мусульман может усиливать ценностный разрыв между проживающими в Алматы и за ее пределами. С другой стороны, некоторые социально-экономические характеристики респондентов-мусульман, переезжающих во взрослом возрасте в Алматы, позволяет предположить их восприимчивость к менее консервативным ценностям. На это указывает, в частности, высокий образовательный уровень респондентов-мусульман, переехавших в Алматы во взрослом возрасте: среди них высшее образование имели 67,9 %, в то время как среди респондентов-мусульман, проживающих вне Алматы, — только 35,2 %.

Не столь регулярная связь между проживанием или взрослением в городе и отходом от патриархальных взглядов на социальные роли мужчин и женщин среди респондентов, не являющихся мусульманами, может иметь свои собственные причины. Как мы видели, для респондентов-немусульман, переехавших в Алматы во взрослом возрасте, более характерны, чем для проживающих вне Алматы, взгляды, закрепляющие в первую очередь за мужчинами задачу зарабатывать деньги для семьи, а за женщинами — заботу о детях и домашнем очаге. Одно из возможных объяснений связано с тем, что среди респондентов-немусульман, проживающих вне Алматы, почти половина (48 %) жила в пяти областях северного и восточного Казахстана с наиболее высокой долей русского населения — Северо-Казахстанской, Костанайской, Восточно-Казахстанской, Карагандинской и Павлодарской областях. Близкий к соседним регионам РФ жизненный уклад этих регионов делает ожидаемой высокую вероятность среди проживающих в них ре-

спондентов симметричных взглядов на социальные роли женщин и мужчин. С другой стороны, респонденты-немусульмане, проживающие в культурно более разнородной среде Алматы, могут воспринимать в ней ценности разного характера, включая и патриархальные. Проверка такого объяснения, разумеется, требует дополнительных исследований. Однако в любом случае данный результат указывает на то, что, при общем ослаблении консервативных взглядов на взаимоотношения полов в контексте мегаполиса, траектории ценностных изменений у разных групп переселенцев могут различаться, образуя достаточно сложную мозаику.

С данными и методикой анализа, используемыми в статье, связаны ограничения, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов. Прежде всего, это уже упомянутый риск, состоящий в том, что на вопросы о ценностях и предпочтениях респонденты могут давать «социально приемлемые» ответы, не отражающие в полной мере их личное мнение. Выявить этот возможный эффект использованная методика анализа, разумеется, не позволяет. Другое ограничение состоит в том, что эффект детства в городе на основе используемых данных не может быть ограничен от эффекта рождения в городе: как мы видели, подавляющее большинство респондентов, родившихся в Алматы и проведших там первые 15 лет своей жизни, почти совпадали. Поэтому при интерпретации результатов невозможно утверждать, в какой мере выявленные различия между респондентами объяснимы местом их жительства в период первоначальной социализации, а в какой — именно фактом рождения в городе.

При всех этих ограничениях, проведенный анализ не оставляет сомнений в том, что одно из ключевых последствий современной миграции в крупные центральноазиатские города — это усложнение их социума из-за различий между переселенцами и коренными жителями, а также между разными группами переселенцев по ценностным ориентациям. Эти различия могут быть связаны с религиозной принадлежностью, а также с тем, вырос ли индивид в городе или переехал в него позднее. На этом фоне важным предметом практико-ориентированных городских исследований становится устойчивость таких различий у мигрантов разных поколений, а также то, насколько эти ценностные различия ведут к поведенческим различиям между разными группами городского социума — например, к разным уровням рождаемости, разной распространенности трудовой занятости женщин и т. д.

Список литературы (References)

1. Бюлегенова Б.Б., Шермухамедова Н.А., Турэмуратов О.Ж. Тенденции урбанизации в странах Центральной Азии: развитие агломераций за годы независимости (2000—2023 гг.) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 2. С. 150—166.
Byelegenova B.B., Shermukhamedova N.A., Turemuratov O.Zh. (2024) Urbanization Tendencies in the Countries of Central Asia: Development of Agglomerations in the Period of Independence (2000—2023). *Russia in Global World*. Vol. 27. No. 2. P. 150—166. (In Russ.)
2. Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: О.Г.И., 1998.

- Vishnevski A. G. (1998) The Sickle and the Rouble: The Conservative Modernization in the USSR. Moscow: O.G.I. (In Russ.)
3. Гали Д. А. Развитие системы городских поселений и процессов расселения населения в Казахстане в 1959—1999 гг. (урбанизационный аспект) // Вестник НГУЭУ. 2011. № 2. С. 90—101.
Gali D. A. (2011) Development of the System of Urban Settlements and Population Resettlement Processes of Kazakhstan in 1959—1999 (The Urbanization Aspect). *Journal of NGUEU*. No. 2. P. 90—101. (In Russ.)
4. Демографический ежегодник города Алматы, 2015—2019. Алматы: Департамент статистики города Алматы, 2020.
Demographic Yearbook of Almaty, 2015—2019. (2020) Almaty: The Department of Statistics of Almaty. (In Russ.)
5. Демографический сборник Казахстана. Алматы: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2023.
Demographic Yearbook of Kazakhstan. (2023) Almaty: National Statistics Bureau of the Agency for Strategic Planning of Republic of Kazakhstan. (In Russ.)
6. Демографический сборник Казахстана. Алматы: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, 2024.
Demographic Yearbook of Kazakhstan. (2024) Almaty: National Statistics Bureau of the Agency for Strategic Planning of Republic of Kazakhstan. (In Russ.)
7. Джумамбаев С. К. Урбанизация и индустриализация в Казахстане: взаимосвязь, состояние и перспективы // Вестник КазНУ. Серия экономическая. 2014. № 2. С. 3—11.
Dzhumabaev S. K. (2024) Urbanization and Industrialization in Kazakhstan: Intercommunication, State and Prospects. *KazNU Bulletin. Economics Series*. No. 2. P. 3—11. (In Russ.)
8. Панарин С. А. Казахстан: города и урбанизация в межпереписной период (1989—1999) // Вестник Евразии. 2005. № 3. С. 48—70.
Panarin S. A. (2005) Kazakhstan: Cities and Urbanization Between the Censuses (1989—1999). *Journal of Eurasia*. No. 3. P. 48—70. (In Russ.)
9. Портес А., Чжоу М. Новое второе поколение: сегментная ассимиляция и ее разновидности // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 1. С. 122—141 <https://doi.org/10.17323/usp212017122-141>.
Portes A., Zhou M. (2017) The New Second Generation: Segmental Assimilation and Her Types. *Urban Studies and Practices*. Vol. 2. No. 1. P. 122—141. <https://doi.org/10.17323/usp212017122-141>. (In Russ.)
10. Стародубровская И. В., Идрисов Э. Ш., Казенин К. И. Адаптация мигрантов из сельской местности Дагестана в Махачкале и Астрахани: причины различий

// Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 2. С. 22—41. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16204>.

Starodubrovskaja I.V., Idrisov E.Sh., Kazenin K.I. (2022) Adaptation of Rural-to-Urban Migrants from Daghestan in Makhachkala and in Astrakhan: Sources of Differences. *Demographic Review*. Vol. 9. No. 2. P. 22—41. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16204>. (In Russ.)

11. Agadjanian V., Dommaraju P., Glick J. (2008) Reproduction in Upheaval: Ethnic Specific Fertility Responses to Societal Turbulence in Kazakhstan. *Population Studies*. Vol. 62. No. 2. P. 211—233.
12. Esser H. (2004) Does the “New” Immigration Require a “New” the Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*. Vol. 38. No. 3. P. 1126—1159.
13. Greenstein T.N., Shannon N.D. (2006) Cross-National Variations in Divorce: Effects of Women’s Power, Prestige and Dependence. *Journal of Comparative Family Studies*. Vol. 37. No. 2. P. 253—273.
14. Krumpal I. (2013) Determinants of social desirability bias in sensitive surveys: a literature review. *Quality & Quantity*. Vol. 47. No.4. P. 2025—2047. doi: 10.1007/s11135-011-9640-9
15. Kulu H. (2005) Migration and Fertility: Competing Hypothesis Reexamined. *European Journal of Population Research*. Vol. 21. P. 51—87.
16. Kulu H., Milewski N., Hannemann T., & Mikolaj J. (2019). A decade of life-course research on fertility of immigrants and their descendants in Europe. *Demographic Research*. Vol. 40. Art. 46. P. 1345—1374. <https://doi.org/doi:10.4054/DemRes.2019.40.46>.
17. Kumo K., Perugini C. (2024) Religion, Gender Norms and Fertility in Muslim Post-Communist Economies. *Post-Communist Economies*. Vol. 36. No. 8. P. 1035—1065. <https://doi.org/10.1080/14631377.2024.2437734>.
18. Lindstrom D.P. (2003) Rural-Urban Migration and Reproductive Behavior in Guatemala. *Population Research and Policy Review*. Vol. 22. No. 4. P. 351—372.
19. Makhanov K. (2023) Soviet and Post-Soviet Transformations of Urban System: Case of Kazakhstan from 1979 to 2022. *Eurasian Research Journal*. Vol. 5. No. 1. P. 43—58.
20. Muller C.J., MacLehose R.F. (2014) Estimating Predicted Probabilities from Logistic Regression: Different Methods Correspond to Different Target Populations. *International Journal of Epidemiology*. Vol. 43. No. 3. P. 962—970. <https://doi.org/10.1093/ije/dyu029>.
21. Myers S. M. (1999) Childhood Migration and Social Integration in Adulthood. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 61. No. 3. P. 774—789.

22. Pailhé A. (2017) The Convergence of Second-Generation Immigrants' Fertility Patterns in France: The Role of Sociocultural Distance Between Parents' and Host Country. *Demographic Research*. Vol. 36. Art. 45. P. 1361—1398. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2017.36.45>.
23. Payton M.E, Greenstone M. H., Schenker N. (2003) Overlapping Confidence Intervals or Standard Error Intervals: What Do They Mean in Terms of Statistical Significance? *Journal of Insect Science*. Vol. 3. No. 34. <https://doi.org/10.1093/jis/3.1.34>.
24. Vikat A., Spéder Z., Beets G., Billari F.C., Bühler C., Désesquelles A., Fokkema T., Hoem J.M., MacDonald A., Neyer G., Pailhé A., Pinnelli A., Sola A. (2007) Generations and Gender Survey (GGS): Towards a Better Understanding of Relationships and Processes in the Life Course. *Demographic Research*. Vol. 17. Art. 14. P. 389—440.
25. Schmidt M., Sagynbekova L. (2008) Migration past and Present: Changing Patterns in Kyrgyzstan. *Central Asian Survey*. Vol. 27. No. 2. P. 111—127.
26. Simard M., Franklin S. (2005) Sample Design Guidelines. In United Nations Economic Commission for Europe. Generations and Gender Programme. Survey Instruments. New York, NY; Geneva: United Nations.
27. Thieme S. (2009) Living in Transition: How Kyrgyz Women Juggle Their Different Roles in a Multi-local Setting. *Gender, Technology and Development*. Vol. 12. No. 3. P. 325—345. <https://doi.org/10.1177/097185240901200303>.
28. van Tubergen F., Sindradóttir J. (2011) The Religiosity of Immigrants in Europe: A Cross-National Study. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 50. No. 2. P. 272—288.